

10-01-1858

75
846

801-71
12913

ЗАМѢЧАНІЯ

МАЮРА БЛАНКЕННАГЕЛЯ

ВПОСЛѢДСТВІЕ ПОѢЗДКИ ЕГО ИЗЪ ОРЕНБУРГА ВЪ ХИВУ,

ВЪ 1793—94 ГОДАХЪ.

1898

2224

ИЗДАНЫ, СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ,

В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1858.

2

1222

(Изъ № 3 Вѣстника Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества 1858 года.)

41965-40.

2007110154

74
846

ЗАМѢЧАНІЯ МАІОРА БЛАНКЕННАГЕЛЯ

ВПОСЛѢДСТВІЕ ПОѢЗДКИ ЕГО ИЗЪ ОРЕНБУРГА ВЪ ХИВУ,
ВЪ 1793—94 ГОДАХЪ (1).

1793 года 5 октября, пріѣхалъ я въ Хиву, пробывъ въ дорогѣ, изъ Оренбурга чрезъ Киргизскія степи, 35 дней. Квартиру отвели мнѣ неподалеку отъ города, въ домѣ обведенномъ высокою стѣною; у воротъ приставили караулъ, съ повелѣніемъ не выпущать ни меня, ни людей моихъ; особливо же смотрѣть, дабы никто изъ находящихся тамъ въ неволѣ російскихъ подданныхъ не приходилъ ко мнѣ.

На другой день поугру призвали меня, для осмотра глазь Фазиль-бія (2); я не мало смутился, нашелъ его вовсе слѣпымъ; одинъ глазъ совершенно вытекъ, а другой наполненъ застарѣлою темною водою, такъ что зрѣніе оному едва ли доставить можно и чрезъ самую счастливую операцію.

Когда слѣпой бій у меня спросилъ—какого я мнѣнія о глазахъ его, я сказалъ ему не обинуясь всю правду, которая однакожь сильно ему не понравилась; но какъ, между прочимъ, услышалъ онъ отъ меня, что зараждающіяся только темныя

воды можно иногда лѣкарствами развести, то и потребовалъ онъ повелительно, чтобы я употребилъ сіи лѣкарства.

Не видя ни малѣйшей надежды къ излѣченію, отказался я отъ того; однакожъ всѣ мои отговорки ни къ чему не послужили; день ото дня приступали ко мнѣ съ усиленнѣйшими того требованіями, — надобно было покориться; я сталъ давать слѣпому бію лѣкарства.

Отъ того времени, около двухъ недѣль было всеспокойно, но вдругъ всѣ лица ко мнѣ перемѣнились. По прошествіи нѣсколькихъ дней, двое русскихъ невольниковъ, нашедъ случай добратся до меня, объявили мнѣ, что жизнь моя въ крайней опасности; что тамошніе разславили, что я не лѣкаръ, а присланный для развѣдыванія ихъ земли; что всѣ оказываютъ неудовольствіе, для чего къ нимъ допускаютъ Русскихъ; что посему собирався многократно совѣтъ и къ оному приглашались всѣ градоначальники.

Два дня спустя, извѣщенъ я отъ тѣхъ же невольниковъ, что въ совѣтѣ предложено меня, безъ всякихъ околичностей, отправить на тотъ свѣтъ; что, однако же, противорѣчатъ сему первосвященникъ — Казн (3), и начальники городовъ Угренца и Ганги (4); что, по многихъ словопреніяхъ, наконецъ положено меня немедленно отправить обратно въ Россію и на пути коварно лишить жизни.

На другой день провѣдалъ я, отъ приходившихъ ко мнѣ Хивинцевъ, что приказано дѣлать нужное къ моему отъѣзду приготовленіе (5). Въ семъ положеніи призвалъ я къ себѣ одного изъ довѣренныхъ слѣпаго бія и велѣлъ сказать ему и всѣмъ чиновникамъ, что о всѣхъ злыхъ ихъ умыслахъ въ разсужденіи меня я знаю, но не повимаю, какъ они осмѣлились покуситься на столь безразсудное предпріятіе, и вѣдали бы они, что самая малѣйшая еепріятность, какая окажется мнѣ у нихъ, и въ обратномъ пути моемъ, жесточайше отъ пославшія меня могущественнѣйшія Императрицы накажется.

Черезъ два дня не получалъ я ни малѣйшаго извѣстія, а на третій извѣстили меня, что караульнымъ у воротъ данъ приказъ пропускать всѣхъ въ квартиру мою безъ задержанія; и какъ въ тотъ же день привели ко мнѣ нѣкоторыхъ приведенныхъ мною изъ Оренбурга лошадей, то и приказалъ я все приготовить къ отъѣзду.

На другой день послалъ спросить слѣпаго бія о доставленіи

случая мнѣ лично съ нимъ объясниться, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ самъ ко мнѣ будетъ. По прошествіи трехъ дней, прибылъ онъ ко мнѣ; я повторилъ все, что чрезъ повѣреннаго ему и сотоварищамъ его наказывалъ, совѣтуя осторожнѣе и почтительнѣе обходиться впредъ съ сильною Россійскою державою, и что для предупрежденія непріятныхъ слѣдствій, и приведенія въ забвеніе всего, стараться чрезъ посланца о снисканіи дружбы и покровительства Россійскаго двора; но нѣкоторыхъ хвастливыхъ выраженій съ его и нѣсколькихъ укоризнахъ съ моею стороны, стали мы лучше изъясняться, такъ что онъ мнѣ наконецъ предложилъ, по причинѣ ненастнаго времени, провести у нихъ зиму, одобрялъ мой совѣтъ объ отправленіи посланца въ Санктпетербургъ; условясь обо всемъ, разстались мы, повидимому, какъ друзья.

Хотя въ разсужденіи моего отправленія на тотъ свѣтъ и были сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ городона начальниковъ, но я, однако, спасеніемъ своимъ обязанъ наиболѣе воспоминанію слѣдующаго въ Хивѣ происшествія.

Лѣтъ за 50 назадъ, персидскій Шахъ Надыръ отправилъ въ Хиву посла со свитою, въ тридцати человѣкахъ состоящую; Хивинцы, дабы не обнаружилось настоящее ихъ состояніе, умертвили посла и всю его свиту.

Прогнѣванный злодѣйствомъ таковымъ, шахъ вошелъ самъ съ войскомъ въ Хиву, хивинское войско разбилъ и хана Илваса и болѣе тридцати человѣкъ главныхъ чиновниковъ хивинскихъ повѣлѣлъ живыхъ закопать въ землю; въ числѣ коихъ былъ Ешметъ бій, отецъ Фазиль бія и дѣдъ владѣющаго инака; побѣдитель выгналъ Осбековъ изъ Хивы и далъ сему краю другаго хана изъ роду Киргизцовъ.

Сей новый ханъ владѣлъ по смерти шаха Надыра. По кончинѣ же сего, разбѣжавшіеся Осбеки, возвратясь, выпалили его и призвали къ себѣ другаго хана изъ Бухаріи; но и сего однако же вскорѣ умертвивъ, выбрали на его мѣсто другаго, изъ поколѣнія каракалпацкихъ хановъ; съ сими послѣдними ханами поступали они по своей волѣ (6).

Сіе мщеніе шахово, въ критическомъ моемъ положеніи, приводилъ я имъ на память, и что, въ случаѣ подобнаго со мною поступка, должны они ожидать гораздо большаго возмездія; сіе ихъ, такъ сказать, образумило и спасло меня.

Чрезъ нѣсколько дней, послѣ помянутаго моего съ Фазиль-біемъ переговора, пріѣхалъ ко мнѣ больной старикъ, тамошній вельможа; болѣзнь его была застарѣлая водяная; сначала представилъ я ему всю важность болѣзни и трудность излѣченія ея, но онъ на то сказалъ, что я непременно обязанъ его вылѣчить, а въ противномъ случаѣ, по справедливости, признанъ буду не за лѣкаря, а за лазутчика, — должно было покориться. Лѣкарства мои, по счастью, такое произвели дѣйствіе, что чрезъ три недѣли увѣрялъ онъ меня и всѣхъ, что онъ совершенно уже здоровъ.

Излѣченіе сіе надѣлало много шума и подало поводъ всѣмъ другимъ больнымъ искать моей помощи; приходило ихъ ко мнѣ множество, такъ что съ половины декабря по исходъ февраля, покуда стало у меня лѣкарствъ, каждый день имѣлъ я отъ сорока до пятидесяти посѣщеній.

Чрезвычайное счастье помогло мнѣ вылѣчить болѣе трехъ сотъ человѣкъ, а какъ ничего не бралъ я за лѣченіе, то сіе доставило мнѣ нѣкоторыхъ друзей, сколько варвары оными могутъ быть. Чѣмъ пользуясь, имѣлъ я возможность собрать свѣдѣнія о землѣ, однако не иначе, какъ чрезъ тамошнихъ російскихъ невольниковъ; изъ нихъ вывезъ въ Россію 13 человѣкъ.

Когда полагалъ я, что въ разсужденіи медицины довольно оправдался, то и потребовалъ, чтобы меня извѣстили, кого со мною въ посланцы назначаютъ. Запросъ сей причиною былъ раз-
ныхъ совѣщаній, однакожъ за двѣ недѣли до отъѣзда моего назначенъ былъ посланцемъ Ейвасъ-Муххаметь-бій.

Сему посланцу препоручено исходатайствовать глазнаго оператора, умевшаго попливъ въ Астрахани, возвращеніе конфискованныхъ въ Астрахани около тысячи червонныхъ и позволеніе вывести нѣсколько тысячъ пудовъ желѣза; а напротивъ того обѣщать все, что Ея Императорское Величество потребовать соизволитъ.

При семъ долженъ я замѣтить, что Хивинцамъ нельзя ни въ чемъ вѣрить. Вѣроломства у нихъ обыкновенны, въ разсужденіи же христіанъ почитаютъ то и за богоугодное еще дѣло. А какъ притомъ ежедневно должно у нихъ опасаться внутреннихъ безпокойствъ, то во время оныхъ все приходитъ въ такое замѣшательство, что нельзя и думать о сдержаніи учиненныхъ ими обязательствъ и договоровъ (7).

За десять дней до отъѣзда моего изъ Хивы, прине сны были

мнѣ подарки; они состояли въ кафтанѣ, кушакѣ, шапкѣ, лошади и девяносто червонныхъ; да для переводчика и всѣхъ прочихъ людей по кафтану. Надѣясь, что все для дороги моей приготовлено, употребилъ я данные мнѣ девяносто червонныхъ на выкупъ двухъ невольниковъ, но съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что ни какъ болѣе издержекъ для меня дѣлать они не намѣрены, — съ тѣмъ и отправился.

По прибытіи моемъ въ Хиву, начальствующіе раздѣлили по себѣ приведенныхъ мною семнадцать лошадей, для выкормленія, какъ говорили, оныхъ до моего отъѣзда; но изъ нихъ я получилъ только одну, а на мѣсто другихъ дали мнѣ тамошнихъ сельскихъ.

Чувствованія чести никогда не обременяли души хивинской, о семъ я въ бытность мою у нихъ имѣлъ случай удостовѣриться (8).

О zaloженія города и крѣпости на мангислатскихъ берегахъ, для обезпеченія торговли, не могъ я предложить хивинскому правительству — во первыхъ потому, что хивинскіе Асбеки ничего столько не опасаются, какъ приближенія Россіянъ; а во вторыхъ потому, что она въ Мангислакѣ власти и вліянія имѣютъ менѣе нежели мы (9).

Но вскорѣ по отвореніи ко мнѣ свободнаго входа, познакомился съ двумя трухменскими начальниками изъ Мангислака; въ разговорахъ моихъ съ ними не пропускалъ я случая, чтобы не представить имъ выгоды отъ ближайшей ихъ связи съ Россією; они приводили ко мнѣ потомъ и другихъ пріѣзжавшихъ въ Хиву начальниковъ, которые всѣ согласно меня увѣряли, что если на обратномъ пути въ Россію на Мангислакъ ѣхать я могу, то они намѣрены отправить со мною посланцевъ съ прошеніемъ къ Ея Императорскому Величеству о принятіи ихъ въ Россійское подданство, и что въ доказательство ихъ вѣрности согласятся охотно на построеніе у нихъ города и крѣпости и на взятіе отъ нихъ аманатовъ (10).

Отправленіе на Мангислакъ не было подвержено затрудненію, и 12 марта выѣхалъ я съ караваномъ изъ Хивы; но по прибытіи моемъ въ первыя кибитки мангислатскихъ Трухменцевъ, узналъ, что не задолго предъ тѣмъ, произошли великіе между двумя поколѣніями раздоры, которые готовились оружіемъ рѣшить; и потому спѣшилъ я перебраться на корабль, который за нѣсколько дней прибылъ на Кадлвскую косу.

Тутъ я пробылъ еще десять дней, для того что увѣрили меня о скоромъ окончаніи помянутой ссоры, когда они, и назначаютъ посланцевъ; однакожь не могли того долѣе держаться, принужденъ былъ отправиться безъ нихъ.

Что мангислатскіе Трухменцы дѣйствительно желаютъ вступить въ руссійское подданство и имѣть на своемъ берегу городъ и крѣпость, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому что подъ покровительствомъ Россіи избавятся они отъ безпрестанныхъ угнетеній и страха, причиняемыхъ имъ Киргизцами, предъ коими они весьма безсплыны; а въ построенномъ въ ихъ землѣ городѣ удобнѣе имъ будетъ доставать для себя хлѣбъ, который они получаютъ нынѣ изъ Астрахани, съ великими затрудненіями (11).

Киргизская Меньшая Орда, между Оренбургомъ и Аральскимъ озеромъ находящаяся, народъ кочевой; сила у нихъ все рѣшается; насилинѣйшій не только бываетъ правъ, но въ большее еще тѣмъ приходитъ уваженіе; кто изъ нихъ оказалъ болѣе грабежей, тотъ получаетъ почетное названіе батыря, слово означающее богатыря. У нихъ нѣтъ другога уваженія; самъ ханъ ихъ ниче:о не значать и подданные поступаютъ съ нимъ, какъ кто къ нему расположенъ. Все что человѣку льститъ на семъ свѣтѣ—честь, уваженіе и благосостояніе, почитается у нихъ въ однихъ грабежахъ и воровствахъ (12).

Караваны, которые должны проходить ихъ степи, отъ ихъ необузданности всегда подвержены бываютъ опасности быть ограбленными; избавляются же отъ сего, кто на удачу, наймомъ нѣсколькихъ изъ сильнѣйшихъ ихъ родовъ, которые берутъ подъ свое охраненіе оныя (13).

Сія же необузданность ихъ причиною, что они воровски вторгаются въ границы наши, плѣняютъ людей, отгоняютъ скотъ, и проч. (14).

Средства, употребляемые нынѣ къ удержанію ихъ отъ грабительства и ко внушенію въ нихъ мысли о могуществѣ Россіи, яко то: ласковость, кротость, великодушіе, какъ такіа добродѣтели, которыя вовсе имъ неизвѣстны, суть недостаточны, меньше же еще подарки, которые имъ даются (15).

Они, хвастаясь сими подарками, приписываютъ ихъ одному страху, который будто бы они на насъ наводятъ своими набѣгами; пріѣзжающіе изъ нихъ въ Хиву и Бухарію точно такъ сіе разглашаютъ и, въ доказательство что они не союзники Россіи,

меньше же еще подданные ей, представляют приводимыхъ ими къ нимъ ежегодно на продажу, больше или меньше, плѣнныхъ Россіянь.

И такъ, для обузданія ихъ и внушенія о могуществѣ Россіи, потребны совсѣмъ другія средства, именно же: правосудіе, сопряженное съ благоразумною строгостію (16). Когда они зимою собираются на кочевья, то легко къ нимъ подойти можно и наказать ихъ какъ угодно.

Хивинское владѣніе границами своими имѣетъ: съ сѣверной стороны Аральское озеро, съ восточной — горы и песчанья степи, лежація между Хивою и Бухаріею, съ южной — песчанья степи, между Хивою и Трухменцами, а къ западной — каменистую степь, между Хивою и Мангислакомъ.

Западный берегъ Аральскаго озера, мимо котораго я проѣзжалъ изъ Оренбурга, лежитъ отъ Каспійскаго моря гораздо далѣе, нежели показано на данной мнѣ картѣ; также и устье рѣки Аминъ-Дары, впадающей въ оное озеро.

Сомнительно, чтобы когда нибудь былъ истокъ изъ Аральскаго озера въ Каспійское море, какъ-то на данной мнѣ картѣ показано; положеніе земли тому противорѣчитъ (17); однакожъ впадалъ въ Каспійское море рукавъ рѣки Аминъ-Дары, котораго постель, какъ по дорогѣ въ Хиву, такъ и на обратномъ пути моемъ, я самъ ясно видѣлъ и переѣзжалъ (18).

Мѣсто гдѣ рукавъ сей протекаетъ изъ рѣки Аминъ-Дары и гдѣ его Осбеки платиною заклали, лежитъ отъ города Хивы въ тридцати-пяти верстахъ (19).

Утверждаютъ, что рукавъ сей рѣки Аминъ-Дары впадалъ въ заливъ Каспійскаго моря, называемый Карабугатскій и который вдается далеко въ землю со стороны Хивы, отъ которой онъ не далѣе какъ на семь дней караванной ѣзды. По свѣдѣніямъ, которыя я по сей части въ Астрахани приобрѣлъ, и послѣдней исправленной картѣ Каспійскаго моря, которую я получилъ отъ г. флота-бригадира Ахматова, явствуетъ, что сей заливъ только при устьѣ извѣстенъ и что оный доселѣ никто внутри не изслѣдовалъ и на карту не снялъ (20).

Земля по обѣимъ сторонамъ Аминъ-Дары была прежде обитаема и въ четверо больше заселена, нежели нынѣ; цѣлыя города и села, гораздо лучшаго построенія, нежели нынѣшнія, стоятъ пустыми.

По словеснымъ преданіямъ, земля сія была угнетаема отъ многихъ непріятелей; множество жителей побито и разбѣяно, но съ оныхъ поръ какъ Осбеки заклали два истока рѣки Амнѣ-Дарьи, послѣдніе жители тѣхъ видимыхъ пустыхъ городовъ и селъ оставили оныя, по недостатку воды, и покорились совершенно Осбекамъ.

Лѣвый только берегъ по рѣкѣ заселенъ Хивинцами; на правомъ постоянныхъ жилищъ нынѣ тамъ вовсе нѣтъ.

Вся земля, нынѣшними жителями больше или меньше заселенная, простирается въ длину не болѣе какъ на 250, а въ ширину отъ 25 до 40 верстъ.

Отъ устья рѣки Амнѣ-Дарьи въ верхъ по теченію ея нынѣ заселенныя мѣста, такъ называемыя городами, лежатъ одно за другимъ, въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ рѣки, слѣдующимъ порядкомъ: Конратъ, Мангутъ, Хаджелъ, Капчакъ, Гурасмъ, Амбаръ, Чагадай, Шабатъ, Югуръ, Кетъ, Ургенць, Хива, Ганга, Газарисъ и Пильнекъ (21). Хива есть столица и пребываніе ничего незначащаго хана и всѣхъ знатнѣйшихъ родовъ.

Всѣ сія города, по болѣшей части, укрѣплены глиняною стѣною, весьма дурной работы. Сколько ни слабо такое укрѣпленіе, однакожъ оно довольно для тамошнихъ народовъ, не имѣющихъ артиллеріи; а впрочемъ ни одна изъ сихъ крѣпостей противъ трехъ или четырехъ пушекъ 12-ти фунтовыхъ и одного дня оборониться не можетъ, развѣ бы жители захотѣли погребстись подъ развалинами, но до сего никогда не дойдетъ, потому что нѣтъ народа въ свѣтѣ, который бы столько привязанъ былъ къ жизни какъ Хивинцы.

Лѣтомъ имѣютъ Хивинцы мало опасности отъ вѣшнихъ непріятелей; жары безводныхъ, песчаныхъ и каменистыхъ степей, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающихъ, охраняютъ ихъ отъ набѣговъ; но съ октября мѣсяца, когда начинаются холодъ и дожди, наполняющіе водою высохшіе колодцы и низменныя мѣста, тогда и всю зиму пребываютъ Хивинцы въ непрерывныхъ безпокойствахъ отъ Трухменцевъ и прочихъ.

Вообще, число населяющихъ Хивинскую землю не можно положить болѣе какъ до ста тысячъ душъ, изъ которыхъ: Осбековъ 45, Сартовъ 15, Каракалпаковъ 10 и Юмутовъ 5 или 6 тысячъ; а прочіе плѣнные невольники (22). Во время часто бы-

вающихъ здѣсь междоусобій, всѣ за оружіе принимаются; число, однако же, могущихъ носить оружіе, какъ изъ общихъ сборищъ ихъ, каково было и въ прошломъ году, увѣриться можно, полагается не болѣе какъ отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ, изъ коихъ пѣхоты, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое у нихъ безъ замковъ, а съ фитилями, не болѣе двухъ тысячъ; прочіе выѣзжаютъ на лошадяхъ, имѣя одни луки и стрѣлы, а другіе пика и сабли; лучшими изъ нихъ воинами считаются Юмуты, по нимъ Каракалпаки, а по нимъ Осбеки; Сарты же изъ всѣхъ худшими.

Сарты, нынѣшніе подданные Осбековъ, суть древніе жители сея земли и находятся въ великомъ отъ нихъ угнетеніи; но не смотря на то что платятъ они гораздо болѣе всѣхъ другихъ податей, налагаемыхъ на нихъ по произволению Осбековъ, однакожъ они, яко болѣе занимающіеся торговлею и вообще рачительнѣе другихъ въ промыслахъ, богаче прочихъ жителей.

Осбеки происходятъ изъ окрестностей Иртыша; они, по словеснымъ преданіямъ, подъ предводительствомъ бека, грабили сначала Бухарцевъ и Хивинцевъ, потомъ поселились они въ сей землѣ и, мало по малу, овладѣли всею областію.

Хивинскіе Осбеки раздѣляются на разные роды, которые одинъ съ другимъ находятся въ непрестанной враждѣ; многочислѣннѣйшій изъ нихъ есть Конратскій, который нынѣ имѣетъ въ рукахъ верховную власть; Инакъ онаго управляетъ хивинскимъ народомъ съ большимъ или меньшимъ могуществомъ (23); владѣющій нынѣ имѣетъ совѣтъ, безъ коего онъ ничего не можетъ предпринять.

Знатный или богатый Хивинецъ, коль скоро подаетъ какой-либо поводъ къ подозрѣнію себя—лишается жизни, и не прежде узнаетъ о жребіи своемъ, какъ въ ту минуту, когда его умерщвляютъ; а въ такомъ случаѣ, по большой части, и его родственники и друзья равной съ нимъ подвергаются участи; убійцы раздѣляютъ между собою наслѣдство умерщвляемыхъ.

Всякой живетъ тамъ въ недовѣрчивости и при первой вѣсти о себѣ, справедливой или несправедливой, принимается для спасенія своего за оружіе: по началіи ссоры не должно уже помышлять о примиреніи, потому что договоры у Хивинцевъ никогда не содержатся (24).

Юмуты, изъ рода Трухменцовъ, народъ кочевой, населяютъ часть земли лежащей близъ Каспійскаго моря на границахъ Пер-

сіи, въ окрестностяхъ Астрабата; они разбойничаютъ болѣе всѣхъ другихъ Трухменцовъ; они дѣлаютъ воровскіе набѣги въ Персію, а равно сему поступаютъ они съ Бухарцами, Хивинцами, Киргизцами и другими однородцами ихъ.

Лѣтъ за тридцать назадъ, отецъ нынѣ владѣющаго инака, захватя верховную власть въ Хивѣ, съ помощію сихъ Іомутовъ, уступилъ имъ лежащій въ сорока верстахъ отъ Хивы городъ Амбаръ съ его окрестностями; съ тѣхъ поръ живетъ въ Хивинской области около 6,000 Іомутовъ обоого пола; Іомуты, какъ сказано, почитаются за лучшихъ тамошнихъ воиновъ; но лучший изъ ихъ воиновъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ изъ нашихъ казаковъ (25).

Каракалпаки обитали прежде по обомъ берегамъ Сыръ-Дарьи, но съ тѣхъ поръ какъ Киргизцы, въ бывшихъ между ими войнахъ, истребили большую часть Каракалпаковъ, перешли остальные къ Хивѣ, отдали своего хана Осбскамъ и живутъ съ того времени подъ покровительствъ мѣ Хивинцевъ; они имѣютъ только мѣстами селенія; большая же часть ведетъ жизнь кочевую (26).

Хивинскій ханъ въ правительствѣ значитъ меньше всѣхъ; три раза въ годъ показывается онъ народу, окруженный тѣми, которые дѣлами правятъ; въ прочее же время сидитъ взаперти подъ строгимъ присмотромъ (27). Въ придворномъ его содержаніи не соблюдается даже благопристойности, и нерѣдко въ самомъ необходимомъ претерпѣваетъ нужду (28).

Хивинскіе невольники суть русскіе и персидскіе подданные; русскіихъ обоого пола число простирается до двухъ, а персидскихъ болѣе двадцати тысячъ. Киргизцы плѣнныхъ Россіянъ продаютъ на хивинскихъ и бухарскихъ базарахъ: мужчинъ — отъ 40 до 50, а женщинъ — отъ 50 до 100 червонныхъ тамошнихъ (29).

Персіянъ плѣняютъ три трухменскія поколѣнія: Іомуты, Теки и Салырцы, и продаютъ въ Хиву или Бухарію. Всѣхъ сихъ невольниковъ содержатъ они жестоко; три только праздника въ году дозволяютъ имъ праздновать, во всѣ же прочіе дни должны они отправлять весьма тягостныя работы; господинъ ихъ можетъ убить, безъ малѣйшаго отвѣта.

Много изъ русскіихъ подданныхъ Татаръ, по большой же части изъ взятыхъ въ солдаты, къ нимъ убѣгаютъ, и живутъ въ Хивѣ и Бухаріи; изъ сихъ послѣднихъ нѣсколько находятся у

Киргизцовъ и зная мѣстоположеніе рѣки Урала, дѣлаются вожаками Киргизцамъ, вкрадывающимся въ русскія границы. Побѣги изъ солдатъ и рекрутъ татарскихъ можно бы было отвратить, если бы они не оставались при границахъ, а удаляемы были во внутрь Россіи (30).

Въ Хивинской области, какъ прежде, такъ и нынѣ заселенной, земля, исключая пѣкоторыхъ песчаныхъ мѣстъ, состоитъ вся изъ плодородной мелкой глинны; но какъ во все лѣто нѣтъ почти дождя, то весь бы край былъ вовсе безплоденъ, если бы тамъ не протекала такая рѣка, какова есть Амичъ-Дарья, которая, по причинѣ быстрого теченія своего, даетъ жителямъ способъ, посредствомъ насыпей, проводить на поверхности земной широкіе протоки.

Три или четыре города вмѣстѣ имѣютъ изъ таковыхъ протоковъ главный; потомъ каждый городъ съ своимъ околоткомъ имѣетъ особый протокъ, и наконецъ каждое село и каждый владѣлецъ земли имѣютъ малые свои протоки (31).

Полевые работы затруднительны, потому что тамошніе народы не имѣютъ удобныхъ къ тому орудій; однако, какъ бы то ни было, приносятъ тамошніе поля чрезвычайно обильную жатву.

Поля по большей части обрабатываются невольниками. Одинъ изъ нихъ успѣваетъ столько, что не токмо большое семейство полевыми плодами можетъ продовольствоваться, но немалую часть и продавать оныхъ. Такимъ образомъ, несмотря на малое число людей, употребляемыхъ на обрабатываніе земель, въ сравненіи жителей, имѣются тамъ въ изобиліи полевые плоды и во множествѣ продаются оныя сосѣднимъ народамъ, Киргизцамъ и Трухменцамъ.

Въ Хивѣ разводятъ слѣдующіе полевые плоды въ обильномъ количествѣ: сарачинское пшено и паче пшеницу, жугаръ (*) и просо; въ меньшемъ количествѣ — льняное сѣмя, ячмень, горохъ, бобы и чечевицу; множество хлопчатой бумаги, табаку и кун-

(*) Растеніе, имѣющее великое сходство съ сахарнымъ тростникомъ; когда оно достигаетъ надлежащей мѣры, вырастаетъ на верхушкѣ головка въ два кулака величинаю, на подобіе винограда, составленная изъ бѣлыхъ зернышекъ величиною въ крупную дробь; сіе растеніе полезно для жителей: зернышки служатъ вмѣсто овса для лошадей и крупы для людей, листья для корма скота, а тростникъ жгутъ вмѣсто дровъ (32).

же (*). Изъ огородныхъ растеній роятся въ изобиліи: дыни разнаго рода, арбузы, морковь, лукъ и рѣдка; изъ овощей: персики, абрикосы, яблоки, груши, сливы, шелковица и разнаго рода виноградъ. Сѣно получается засѣваніемъ дятляны, которую до пяти разъ въ лѣто косятъ.

Всякіе плоды, которые хивинскому климату свойственны, очень хороши и роятся, какъ сказано, обильно, если не будетъ недостатка въ водѣ; безъ поливки же и самыя большія деревья засыхаютъ. Родъ ольхи составляетъ тамъ весь строевой лѣсъ; ее садаютъ и нѣсколько разъ въ лѣто подобно-же наводняютъ (33).

Хивинцы держатъ не болѣе скота, сколько имъ необходимо нужно; лошади и бараны покупаются у Киргизцовъ и Трухменцовъ.

Аральское озеро весьма обильно рыбою и хотя для ловли оной нѣтъ у Хивинцевъ надлежащихъ снастей, однакожъ рыбу во всякое время можно купить дешево.

Въ Хивѣ воздухъ и вода весьма хороши и здоровы; хивинская земля снабжена изобильно всѣмъ, что нужно къ сохраненію человѣческой жизни; но касательно до хивинскихъ жителей, то можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ народа столь порочнаго, какъ они: вѣроломство у нихъ обыкновенно и обманъ не постыженъ; въ корыстолюбіи они ненасытимы и, стремясь удовольствоваться страстью сію, не имѣютъ ничего священнаго, — словомъ чувствованія чести никогда не обременяли души хивинской (34).

Хива особливо изобилуетъ богатыми золотыми и серебряными рудами; удостовѣреніе какое я объ этомъ имѣю есть, между прочимъ, слѣдующее.

Россіянинъ, по имени Максимъ, бывъ невольникомъ въ Хивѣ, котораго привезъ съ собою въ С.-Петербургъ, увѣряетъ, что онъ былъ коротко знакомъ съ принадлежащимъ бухарскому казію невольникомъ, по имени Иваномъ, который ему открылся, что онъ, по согласію съ своимъ господиномъ, тайно изъ доставаемыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудъ извлекаетъ металлы и дѣлаетъ изъ оныхъ повелѣнныя ему деньги, и что онъ своему господину казію вырабатываетъ въ годъ положенное на него

(*) Сѣмя изъ котораго выдавливается вкусное масло, употребляемое знатными и простолюдинами вмѣсто коровьяго.

число — по триста червонныхъ, а прочее собственно для себя; что впослѣдствіи онъ, Максимъ, часто помогалъ Ивану въ работѣ: въ толченіи рудъ, въ смываніи мелкихъ земляныхъ частицъ и въ сплавленіи сихъ металловъ; что видѣлъ у него немалое число выплавленными имъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ и былъ при работѣ его, когда онъ дѣлалъ изъ сихъ металловъ деньги; что онъ, Максимъ, самъ былъ въ рудникахъ, которые въ старину хивинскіе Сарты обрабатывали, и находилъ множество неизчерпаемыхъ рудныхъ глыбъ, подобныхъ во всемъ тѣмъ, которые у Ивана видѣлъ; что, впрочемъ, хотя и строго запрещено разрабатывать хивинскіе рудники, однако же корысть отваживаетъ нѣкоторыхъ тайно добывать изъ нихъ руды и необработанныя отвозить въ Бухарію, гдѣ продаютъ оныя лучше всякаго товара.

Максимъ сей, болѣе 20 лѣтъ находясь въ Хивѣ, многими опытами удостовѣрился о сихъ сокрываемыхъ въ землѣ богатствахъ; а для сего и старался я уговорить его выѣхать со мною въ Россію, на что онъ сначала не соглашался, опасаясь, что его не отпустятъ обратно въ Хиву, гдѣ у него жена и дѣти въ неволѣ; однакожъ, по обѣщанію моему, что исходатайствую ему паспортъ въ оба пути и деньги, назначенныя Ея Императорскимъ Величествомъ на выкупъ невольниковъ, согласился на мое предложеніе, котораго я и привезъ съ собою въ С.-Петербургъ.

Ейвасъ Мухамметъ-бай, пріѣхавшій со мною посланцемъ, по случаю разговора со мною, увѣрялъ меня, что въ ихъ землѣ есть много богатыхъ и неизчерпаемыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, изъ которыхъ въ старину получали великія богатства; но что Осбеки, опасаясь, чтобъ не дошло то до свѣдѣнія Россіянъ, запретили работы сіи и смертно наказываютъ за малѣйшее нарушеніе того запрещенія. Потомъ спрашивалъ онъ меня, какимъ способомъ удобнѣе отдѣлать золото отъ рудъ. Разговаривали мы съ нимъ нерѣдко о сей же матеріи и онъ описывалъ мнѣ самыя тѣ рудники, о которыхъ упоминалъ Максимъ.

Горы, такими сокровищами изобилующія, простираются отъ Аральскаго озера, вдоль по Хивинской землѣ, къ Бухаріи; тѣ изъ нихъ, гдѣ въ старину Сарты работали, лежатъ отъ рѣки Аминъ-Дарьи въ 40 верстахъ.

Если то справедливо, какъ и вѣроятно, что я въ разсужденіи тамошнихъ рудниковъ развѣдалъ, то можно почестъ Хиву за по-

вую Перу, и, слѣдовательно, колько бы желательно было, чтобы сіи несмѣтные сокровища, лежащія въ землѣ въ тунѣ, обращены были въ пользу Россіи. Коль ни довольно и одного сего къ побужденію насъ—не упустить подающагося случая ко овладѣнію Хивію, но выгоды отъ того не ограничиваются симъ однимъ: овладѣніе Хивію отворить намъ, такъ сказать, ворота къ пространенію торговли не въ одной сей части Азіи, но до самыя Индіи; сколько же сіе удобно и возможно, ниже упомянется.

Земля извѣстная подъ названіемъ Великой Бухаріи есть, по большей части, бесплодна, гориста и пуста; въ ней заселены только однѣ плодородныя и водою обильныя земли, и таковыхъ заселенныхъ земель, взявъ въ сравненіе пространства бесплодныхъ и необитаемыхъ, весьма мало. Сіи заселенные участки Великой Бухаріи подвластны не одному, но разнымъ, другъ отъ друга независящимъ владѣльцамъ.

Въ тамошней странѣ, называемой Бухарское Владѣніе, со всѣми отъ него зависящими городами и селами, не составляетъ почти трехъ сотъ верстъ въ длину и ста пятидесяти въ ширину; бухарскій ханъ находится въ такомъ же зависящемъ, невольномъ и бѣдномъ состояніи отъ аталыка или, какъ нынѣ называютъ, веламѣта, какъ и хивинскій отъ инака.

Изъ Бухаріи ходятъ безпрестанно караваны въ Кабулъ и далѣе въ Индію; дорога, какъ увѣрили меня, неподвержена великимъ опасностямъ; караваны изъ Бухаріи до Индіи доходятъ меньше нежели въ тридцать дней.

Индійскіе товары свозятся Бухарцами въ Кашкаръ, или Малую Бухарію, гдѣ получаютъ въ уплату за оныя товары, по большей части, серебро въ слиткахъ. Караванный путь изъ Бухаріи до сей Малой Бухаріи продолжается тридцать дней и сказываютъ, что въ прохожденіи пути сего ни какой нѣтъ опасности.

Сія Малая Бухарія извѣстна въ Хивѣ и Бухаріи подъ именемъ Кашкара: прежде владѣлъ и тамъ родъ Осбековъ; но природные жители, будучи отъ нихъ притѣснены, просили, тому назадъ около 20 лѣтъ, покровительства у Китайцевъ, съ помощію которыхъ они и прогнали Осбековъ; съ тѣхъ поръ находятся они подъ покровительствомъ Китайцевъ (35).

Въ Хивѣ всегда происходящія междоусобія, насилія и грабежи, содержатъ всѣхъ вообще въ непрерывномъ страхѣ, и нѣтъ одного дня, который бы могли они провести въ безопасности; а сіе при-

чиною, что жителямъ и въ мысль не приходятъ выгоды жизненныя; во всемъ краю нѣтъ въ домахъ ихъ не только мебели, ни даже окна и печи; вся посуда состоитъ у нихъ въ чугунныхъ котлахъ, глиняныхъ мискахъ и въ маломъ количествѣ, и то не у каждого, полушеной мѣдной.

Представя такую жизнь, удобно заключить можно, за какое бы благодѣяніе принять они могли отъ Россіи то, если бы избавила ихъ отъ столь бѣдственнаго состоянія.

Когда бы могъ возстановиться въ оной порядокъ, спокойствіе и обезопаситься каждого собственностью, то всѣ разбѣжавшіе Сарты могли возвратиться въ отечество свое; тогда бы Хива заселилась по-прежнему, произвела, между прочимъ, множество шелку; а хлопчатой бумаги столько, что могла бы одна продовольствовать ея всю почти Россію.

Изъ 20,000 персидскихъ невольниковъ, находящихся нынѣ въ Хивѣ, которые, по большей части, доселѣ поля тамошнія обрабатываютъ, немногіе бы пожелали возвратиться въ отечество съ земель, которыя бы имъ были отведены; одна пятая часть подати для правительства составила бы великіе доходы. Сколько же бы они благоденствовали, когда нынѣ, берущіе на откупъ земли, даютъ владѣльцамъ оныхъ, отъ получаемыхъ съ тѣхъ земель доходовъ, цѣлую половину.

Хивинцы и Бухарцы отъ торговли въ Россіи получаютъ, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, чистой прибыли отъ каждой поѣздки болѣе ста процентовъ, а потому купцы тамошніе, которые въ Россію выѣзжаютъ, очень недовольны, если къ нимъ пріѣзжаютъ русскіе подданные для закупки ихъ произведеній и товаровъ; для отчужденія русскіихъ купцовъ отъ торговли въ ихъ землѣ, причиняли имъ всевозможныя притѣсненія.

Предъ симъ торговали въ Хивѣ и Бухаріи изъ русскіихъ подданныхъ: Россіяне, Армяне и Татары; нынѣ ѣздитъ туда одни только Татары, которые, по согласію съ тамошними купцами, старались и тѣхъ и другихъ отдалить. Если хивинскій купецъ захочетъ русскаго купца въ большіе ввести хлопоты, то подговариваетъ одного изъ нашихъ Татаръ, чтобы онъ объявлялъ Россіянина лазутчикомъ, и жизнь его тогда подвергается крайней опасности.

Посланные отъ насъ въ Хиву и Бухарію, для развѣдыванія, Татары сами себя выдавали тамъ за лазутчиковъ, равно какъ и

тѣ, которые тамъ торгуютъ; они принимаются тогда ласково, дарятся и уступается имъ пошлина; а сіе для того, дабы возвратиться въ Россію, открывали и описывали Хиву и Бухарію государствами сильнѣйшими, хотя на самомъ дѣлѣ они и ничего не значать.

Хивинцы и Бухарцы нынѣ привозятъ въ Оренбургъ и Астрахань ежегодно товаровъ, — когда избавятся на проѣздѣ своемъ отъ грабежей Киргизцевъ, — по цѣнѣ на два милліона, или около того; а нашихъ товаровъ вывозятъ меньше нежели на одинъ милліонъ.

Сіа несоразмѣрность привоза противъ вывоза товаровъ главнѣйше отъ того происходитъ, что, при нынѣшнемъ положеніи и образѣ жизни тамошнихъ народовъ, пребываютъ они въ безпрестанной взаимной другъ отъ друга опасности, а сіа опасность запрещаетъ имъ и думать о товарахъ къ удовольствію служащихъ; для чего они и не вымѣниваютъ таковыхъ товаровъ, а вымѣниваютъ только такіе, которые на необходимыя потребности имъ нужны; но сихъ послѣднихъ не болѣе имъ надобно, какъ на милліонъ или меньше. И такъ, на остающуюся сумму товаровъ вымѣниваютъ они наличныя золотыя и серебряныя деньги во всякой монетѣ; укрыть же отъ правительства вывозъ ихъ находятъ они великую удобность, чрезъ надежныхъ себѣ Киргизцевъ, и сего то рода Бухарцы охотнѣе пріѣзжаютъ въ Оренбургъ, нежели въ Астрахань, ибо провезти тайно не такъ удобно на корабляхъ, какъ сухопутно.

Отъ таковой же несоразмѣрности привозимыхъ къ намъ ихъ товаровъ и произведеній, противъ вывозимыхъ отъ насъ, происходитъ и униженіе цѣнъ нашихъ товаровъ; предъ симъ, можно было за чугунный котелъ взять пудъ хлопчатой бумаги, а нынѣ и за пять котловъ столько получить не можно; и проч.

Зло сіе умножается годъ отъ году, къ великому государственному убытку (36).

Но когда удобно будетъ нашимъ купцамъ съ товарами своими самимъ ѣздить къ нимъ, тогда послѣдуетъ все глотливое, и изъ малѣйшихъ выгодъ нашихъ будетъ то, что сей милліонъ рублей, вывозимый изъ Россіи наличными деньгами, останется будетъ ежегодно въ нашу прибыль; но до сего дойти посредствомъ договоровъ былъ бы трудъ тщетный и невозможный; и нѣтъ къ сему другаго способа, какъ овладѣніе Хивою (37).

Выше показано какое удостовѣреніе собрали я о богатыхъ и неизчерпаемыхъ хивинскихъ золотыхъ и серебряныхъ рудникахъ (38). Сія великія сокровища, въ разсужденіи ихъ обработыванія и провозу, несравненно дешевле обходиться намъ будутъ, нежели перувіанскія для Гишпаніи.

Рукаву рѣки Аминъ-Дарыи, впадавшему прежде въ Каспійское море и загражденному Осбеками плотиною, дать прежній токъ можно, какъ увѣрили меня, въ 30 дней, употребя на работу сію не болѣе 500 человекъ (39); рукавъ сей, по открытіи своемъ, доставитъ торговлѣ нашей величайшія выгоды; посредствомъ оного, съ малыми издержками доставлять могутъ изъ Астрахани всякіе товары въ Хиву, а изъ оныхъ въ Бухарію и въ Бадакшанъ, который городъ близъ Индіи (40).

Астрахань будетъ тогда почитаться изъ первѣйшихъ торговыхъ городовъ, а Хива, изъ презрѣннаго мѣста, содѣлается средоточіемъ и складочнымъ мѣстомъ азіатской торговли; тогда всѣхъ окружающихъ оную владѣній и народовъ безопасность жизни и собственности, при свободѣ торговли, привлечетъ туда отовсюду множество торгующихъ.

Хивинцы и окрестные народы, пользуясь тѣмъ, ощутятъ пріятность таковыя свободы и съ нею сопряженного вкуса къ товарамъ и вещамъ, къ удовольствіямъ служащимъ; нынѣ же они такового имѣть не могутъ и не смѣютъ.

Тогда мы получать будемъ изъ первыхъ рукъ не токмо тамошнія, но и индѣйскія произведенія и товары.

Хлопчатая бумага, которой мы столько вывозить можемъ, сколько захотимъ, распространитъ наши бумажныя фабрики, и современемъ можемъ мы сами дѣлать всѣ тѣ товары какія вырабатываютъ изъ оной Индія и Европа (41).

Всѣ сіи богатая отрасли торговли зависятъ отъ обладанія Хивою, и сіе тѣмъ должно быть для насъ важнѣе, что для овладѣнія сею новою Перою (sic), нѣтъ нужды вооружать флота, посылать большія войска, употреблять великія издержки и проливать кровь; словомъ — овладѣніе Хивою не будетъ стоить намъ почти ничего, а сіе ничего доставитъ Россіи великія сокровища и, что лестнѣе, доставитъ народамъ тамошнимъ безмятежіе и спокойствіе.

Хотя бы столь же удобно было овладѣть и Бухарією, но сіе на первой случай излишне; владѣніе сіе, отстоящее отъ Хивы на 300 только верстъ, не можетъ тогда ни въ чемъ препятствовать

намъ, и согласится на все, чего бы отъ оной не потребовала Россія; въ безопасности пути нашемъ караванномъ до Кабула могла бы и долженствовала отвѣчать Бухарія.

Овлажденіемъ Хивы и приведеніемъ Киргизцевъ въ большую зависимость можно довести ихъ до того, чтобы употреблять ихъ съ пользою и въ службу, такъ какъ Башкирцевъ нашихъ (42).

Главнѣйшее затрудненіе въ овладѣніи Хивинскою областью состоитъ въ томъ, чтобы туда пробраться; но если бы надлежащія мѣры приняты будутъ, то проходъ туда сдѣлается весьма удобнымъ.

Я осмѣливаюсь утвердительно сказать, что съ пятью тысячами человекъ можно, безъ затрудненія, взять всѣ хивинскія владѣнія, хотя бы Осбеки и прочіе народы и стали въ томъ препятствовать; но, для вѣщей безопасности и къ лучшему всѣхъ тамошнихъ странъ въ спокойствіи и тишинѣ удержанію, можно бы туда переселить еще нѣсколько тысячъ казаковъ, а послѣ того уже нечего будетъ опасаться (43).

Кромѣ вышеупомянутыхъ пяти тысячъ человекъ войска и казачковъ, найдется нѣсколько тысячъ руссійскихъ подданныхъ, находящихся въ полону, и болѣе двадцати тысячъ персидскихъ невольниковъ, кои всѣ Россіи преданы будутъ и тѣломъ и душою (44).

На выкупъ изъ полону тамошнихъ руссійскихъ подданныхъ понадобилась бы сумма превосходнѣе той, во что можетъ стать самое овладѣніе Хивою.

Доходами Хивинскими можно содержать войска тысячъ десять.

Не изчисляя подробно всѣхъ величайшихъ выгодъ отъ завладѣнія Хивою, полагаю:

1) Что меньшая Киргизкасацкая орда, между Оренбургомъ и Аральскимъ озеромъ находящаяся, могла бы быть совершенно покорна Россіи (45).

2) Что пріобрѣтеніемъ Хивы и въ теперешнемъ положеніи торговли, которое есть только тѣнь того состоянія, до какого она доведена быть можетъ, — Россія выиграла бы ежегодно до милліона рублей, которая сумма нынѣ наличными деньгами изъ государства выходитъ (46).

3) Что, по овладѣніи Хивою, можетъ установленъ быть торгъ прямо съ Индією (47).

4) Что пріобрѣтеніемъ Хивы были бы освобождены изъ плѣну нѣсколько тысячъ руссійскихъ подданныхъ (48), и

5) Что буде извѣстія о хивинскихъ богатыхъ рудникахъ золотыхъ и серебрянныхъ, какъ выше сказано, самымъ дѣломъ подтверждаются (49), то какой бы источникъ богатства доставило Россіи овладѣніе Хивою!

При семъ нужно мнѣ еще примѣтить, что теперешнее наше государство по Каспійскому морю подвержено не малымъ опасностямъ и неудобствамъ, кои однако отвращены быть могутъ.

Въ устьѣ Волги, такъ какъ и далѣе отъ онаго въ Каспійское море, глубина воды бываетъ часто менѣе двухъ сажень, почему въ Астрахани строятъ особливо плоскія суда; напротивъ того море въ Персіи чрезвычайно глубоко и многія суда, по причинѣ плоскаго ихъ построенія, пропадаютъ въ семъ беспокойномъ морѣ.

Воздухъ въ Персіи, а особливо въ Астрабатѣ, Мазандеранѣ, Гилянѣ и Зинзилѣ, гдѣ главнѣйшій торгъ съ нашей стороны производится, въ лѣтнее время такъ вреденъ для нашихъ мореходцевъ, что не однажды случалось, что во время лѣтняго плаванія къ вышепомянутымъ мѣстамъ, половина изъ находившихся на судахъ людей умирала.

Поелику Волга покрыта зимою льдомъ, такъ же какъ и нашъ берегъ Каспійскаго моря, то судоходство между Астраханью и Персією, въ сіе время, совсѣмъ пресѣкается, и ходятъ наши суда только однажды въ годъ въ Персію, выѣзжая осенью изъ Астрахани и возвращаясь назадъ весною изъ Персіи; въ оба годовыя времена бываютъ великія бури, чрезъ что извозъ товаровъ по Каспійскому морю, въ сравненіи другихъ морей, весьма дорого становится. Въ 1794 году платили, за извозъ товаровъ изъ Персіи, болѣе двухъ рублей съ пуда. Но если бы мы имѣли пристань на Каспійскомъ морѣ, и именно на берегу мангислакомъ, гдѣ глубина Каспійскаго моря начинается, тогда астраханскіе купцы строили бы, лучше въ водѣ пяти могущія, суда, кои бы могли имѣть свое пристанище въ гаванѣ мангислакомской, дабы оттуда, чрезъ всю зиму, можно было ходить судами въ разныя мѣста Персіи (50), поелику между Мангислакомъ и Персією путь зимою по большей части открытъ для судоходства.

Между Астраханью и Мангислакомъ, гдѣ судоходство, по причинѣ не глубокой воды, столь же безопасно какъ и по Волгѣ, можно уже было бы, весною и чрезъ цѣлое лѣто, привозить и отвозить всякіе товары на мелкихъ судахъ.

Тогда великія и въ водѣ глубоко идущія суда, могли бы, на

пути въ Персію, противиться бурямъ и волнамъ, не опасаясь мелей, находящихся около Астрахани. Во время моего прибытія изъ Мангислака въ устья Волги, нашелъ я нѣсколько судовъ на мели сѣвшихъ.

Если Астраханскими купеческими судами можно будетъ въ годъ нѣсколько разъ ходить въ Персію, то сіе не только бы весьма уменьшило цѣну съ извоза товаровъ, но и произвело бы еще больше обращенія въ торговлѣ (51).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) О личности и обстоятельствахъ жизни майора Бланкенпагеля, до послышки его въ Хиву и по возвращеніи оттуда, не имѣю я никакихъ свѣдѣній. Касательно же повода къ означенной посылкѣ, плодомъ коей остались предложенныя «Замѣтки», то изъ архивнаго дѣла Оренбургской Пограничной Комиссіи подлѣ № 293 видно слѣдующее :

20 апрѣля 1793 года прибыли въ Орскъ изъ Хивинскихъ владѣній, вмѣстѣ съ пришедшимъ оттуда небольшимъ купеческимъ караваномъ, Хивинцы Искендеръ Аллабердіевъ и Рахимбай Достмуратовъ съ четырьмя при нихъ служителями. По пріѣздѣ изъ Орска въ Оренбургъ, Хивинцы эти объявили, что присланы они «Хивинской области отъ ханскаго въ дѣлахъ соправителя Авязъ-бека къ главному пограничному начальству оренбургскому съ листомъ». Въ «листѣ» этомъ, Авязъ-бекъ, извѣщая намѣстника Уфимскаго генералъ-поручика Пеутлинга, что для него, Авязя, Мухаммедъ-Фазылъ бій ослѣпъ, просилъ для излѣченія его отъ слѣпоты пристать, во изъясненіе дружества, искуснаго лѣкаря, такъ-какъ до слуха его, Авязя, дошло, что въ Россіи есть такіе искусные лѣкаря, которые могутъ оказать помощь въ подобномъ случаѣ. Пеутлигъ довелъ объ этомъ немедленно до свѣдѣнія Императрицы. Въ Петербургѣ, должно быть, весьма рады были случаю послать въ Хиву умнаго и наблюдательнаго человека, который бы могъ на мѣстѣ собрать достовѣрные свѣдѣнія объ этой, тогда малоизвѣстной, странѣ; почему именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 14 іюля 1793 года, Пеутлигъ былъ увѣдомленъ, что, снисходя на просьбу Авязъ-бека, посылается въ Хиву майоръ Бланкенпагель, «многими опытами доказавшій искусство свое во врачеваніи глазъ»; а вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ августа, прибылъ въ Оренбургъ и самъ Бланкенпагель.

Майору-медику этому даны были, должно полагать, весьма важныя секретныя порученія; но въ чемъ заключались они, кромѣ того, о чемъ самъ онъ упоминаетъ, неизвѣстно. Содержаніе ему назначено было по 200 руб. сер. въ мѣсяцъ, и содержаніе это выдапо за годъ впередъ. Для сопровожденія его назначены были переводчикъ оренбургскаго Пограничнаго Суда, Холмогоровъ, цирюльникъ изъ оренбургскаго гарнизона и восемь человекъ казаковъ оренбургскаго войска. Упряжныя лошади подлѣ коляску Бланкенпагеля и телеги съ провіантомъ, равно-какъ верховыя для него и двухъ его слугъ, куплены были насчетъ казны. Замѣтимъ при этомъ, что содержаніе Бланкенпагеля велѣно было выдать монетою, а какъ ея не находилось въ наличности при Экспедиціи Пограничныхъ Дѣлъ, то за размѣнъ 1,600 ассигнаціонныхъ рублей на серебряные заплачено было 720 руб-

лей, то есть по 43 коп. за размытъ одного рубля. Августа 30, Бланкеннагель со свитою его сдать былъ хивинскимъ посланцамъ, письменю обязавшимся доставить его въ Хиву и оттуда въ Оренбургъ въ цѣлости и безопасности, и того же числа выступилъ съ ними въ путь, сопровождаемый, сверхъ того для обезпеченія благополучнаго слѣдованія Киргизскою степью, высланнымъ отъ хана Ирали Агымъ-Султаномъ съ товарищами.

(2) Въ «Пояснительной запискѣ къ картѣ Аральскаго моря и проч.», помѣщенной въ V томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Я. В. Ханьковъ, упоминая о посылкѣ Бланкеннагеля въ Хиву, называетъ Фазиль-бія ханомъ хивинскимъ (стр. 327 и 276). Это ошибочно. Фазиль-бій ханомъ въ Хивѣ никогда не былъ; до слѣпоты своей онъ былъ лишь правителемъ ханства съ титуломъ *инака*, наследовавъ это званіе по смерти старшаго брата своего Мухаммедъ-Эминъ-Бека; когда же ослѣпъ, то званіе это перешло къ племяннику его, помянутому выше Аязъ-Беку. Ханомъ въ Хивѣ былъ въ это время, или, вѣрнѣе сказать, носилъ только титулъ Хивинскаго хана — Абульгази сынъ Каипа, изъ рода Кайсацкихъ или, какъ сказано въ помянутомъ архивномъ дѣлѣ Пограничной Коммиссіи, Каракалпакскихъ хановъ. Отношенія, существовавшія между ханами и *инаками* объясняетъ ниже самъ Бланкеннагель.

(3) Титуломъ *казы* обладается первое духовное лице въ ханствѣ, заведывающее отправленіемъ правосудія.

(4) То-есть городовъ *Ургенджа* и *Ганки*. И тотъ и другой, соседніе между собою, лежатъ въ 30 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Хивы.

(5) Подтвержденіемъ изложеннаго — о желаніи Хивинцевъ выпроводить отъ себя Бланкеннагеля — служитъ, сохранившееся въ дѣлѣ о посылкѣ его, письмо въ оренбургскую Экспедицію Пограничныхъ Дѣлъ отъ киргизскаго султана Ишима сына Нуралиева, писанное въ декабрѣ 1793 года. Приводимъ его въ современномъ переводѣ. «Назадъ тому два дни, Хивинской области изъ города Урганыча, пріѣхалъ сюда торговый человекъ, отъ котораго увѣдомился я, что господина майора Бланкеннагеля Фазиль-Бекъ, не видя глазамъ своимъ никакой пользы, возвратилъ черезъ айрактинскихъ Турхменцевъ, и 32 дни тому уже какъ онъ прямо къ Гурьеву городку отправленъ. Думать надобно, что онъ, господинъ Бланкеннагель, скоро прибудетъ, коего я и ожидаю. Однако въ тонкость дошелъ я, что въ возвращеніи его Бланкеннагеля начальствующимъ въ Урганычѣ ~~на~~ ^пнакомъ есть нечто тайное: ибо весь народъ тужить, что пріѣздъ его, господина Бланкеннагеля, въ ихъ область видится имъ притчиннымъ гибѣли ихъ, потому наипаче, что до пріѣзду ево господина Бланкеннагеля двое раза было у нихъ землетрясеніе, да по пріѣздѣ еще одинъ разъ; каковаго знаменія никогда у нихъ не бывало, кромѣ одного раза, когда еще сей городъ Урганычъ былъ на прежнемъ ево мѣстѣ, послѣ чего, какъ по преданію народному извѣстно, приходившимъ туда китайскимъ многимъ войскомъ оной городъ завоеванъ. Каковаго жребія и нынѣ чрезъ оныя знаменія быть весьма опасаются; чего ради и помянутого господина Бланкеннагеля, какъ видно, тотчасъ возвратить разсудили». — Бланкеннагель оставилъ Хиву къ веснѣ 1794 года; но для Киргизовъ, какъ и нынѣ водится, достаточно было слуха, что его хотятъ выпроводить изъ Хивы, чтобы по степи разнеслась молва, что онъ высланъ уже и ѣдетъ.

(6) По «Исторіи Надиръ-шаха», написанной Мегди-ханомъ Мазандерани, послы съ предложеніемъ о покорности Надиръ-шаху посланы были къ хану хи-

вишскому Ильбарсу (а не Илвасу, какъ пишетъ ошибочно Блаккеннагель) и отъ хана бухарскаго Абуль-Фенза и отъ самого шаха, во время пребыванія послѣдняго въ городѣ Чарджу на Аму-Дарьѣ; Ильбарсъ велѣлъ умертвить и тѣхъ и другихъ, за что, по взятіи крѣпости Ханки, гдѣ онъ защищался до послѣдней крайности, Надиръ-шахъ и казнилъ Ильбарса вмѣстѣ съ 20 сообщниками убійства послыю. Узбековъ изъ Хивы Надиръ не выгонялъ, и ханомъ тамъ, по словамъ того же историка, посадилъ одного изъ потомковъ Чингисовыхъ, родственника хану бухарскому Абуль-Фензу, по имени Тагира, который ничего общаго съ Киргизами не имѣлъ (см. *Geschichte des Nadir-Schah, von mirsa Mohammed Mahadi Khan Masanderani. Greifswald. 1773. S. 335—336*). Ханъ изъ Киргизовъ дѣйствительно былъ въ Хивѣ въ Надирово время, но не Надиромъ былъ онъ посаженъ на ханство. Изъ разсказовъ чиновниковъ русскихъ, Гладышева и Муравина, находившихся тамъ въ концѣ 1740 года, мы знаемъ, что угрожаемые нашествіемъ Надиръ-шаха, Хивинцы призвали къ себѣ на помощь хана Меньшой Киргизской Орды Абуль-Хаира, и пока Надиръ стоялъ съ арміею своею подъ Ханки, провозгласили Абуль-Хаира ханомъ въ Хивѣ. Абуль-Хаиръ, подданный Россіи, объявилъ Хивинское владѣніе подручнымъ Императрицы Всероссійской, и думая остановить этимъ завоеваніе онаго Надиръ-шахомъ, съ извѣщеніемъ о подданствѣ Россіи послалъ къ шаху одного изъ находившихся при немъ помянутыхъ русскихъ чиновниковъ, но потомъ, опасаясь какъ бы Хивинцы не выдали самого его Надиру, бѣжалъ изъ Хивы, послѣ чего уже Надиръ, должно быть, и возвелъ на престолъ ханскій помянутаго выше Тагира. (См. *Географическія Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1831 годъ, стр. 329—332 и 393—399*). Этого Тагира Хивинцы, вскорѣ по удаленіи Надира, умертвили, и на ханство къ себѣ призвали сына Абуль Хаирова Нурали-султана; но и Нурали, свѣдавъ что персидское войско двинулось для наказанія вѣроломныхъ Хивинцевъ, съ повелѣніемъ отъ шаха поставить ханомъ въ Хивѣ сына казеннаго имъ Ильбарса, также успѣшилъ оставить берега Аму, и впослѣдствіи, по смерти отца, утвержденъ былъ отъ нашего правительства ханомъ въ Меньшой Киргизской Ордѣ (тамъ же, стр. 347—348 и *Левшица* *Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей, Спб. 1832, часть II, стр. 147—148*). Далѣе извѣстно положительно только то, что въ 1730 годахъ ханомъ въ Хивѣ былъ Каипъ, сынъ Батырь-султана изъ рода киргизъ-кайсацкихъ хановъ, а во время Блаккеннагеля, какъ уже выше упомянуто, сынъ этого Каипа по имени Абульгази.

(7) Это замѣчаніе Блаккеннагеля совершенно вѣрно и въ приложеніи къ настоящему времени.

(8) И въ этомъ согласится съ Блаккеннагелемъ всякій, кто имѣлъ дѣло съ Хивинцами.

(9) Стариинная мысль объ утвержденіи владычества нашего надъ Туркменами и обезпеченіи торговли съ Хивою чрезъ Астрахань возведеніемъ крѣпости на Мангышлакомъ полуостровѣ, осуществлена была наконецъ въ 1845 году построеніемъ тамъ Новопетровскаго укрѣпленія. Но, къ сожалѣнію, торговля съ Хивою нисколько отъ того не развилась; кочевья же Туркменовъ находятся въ такомъ далекомъ отъ укрѣпленія разстояніи, что гарнизонъ онаго не можетъ имѣть на нихъ никакого вліянія.

(10) Общанія такого рода старшины Туркменскіе давали неразъ и многократно даже принимали присягу на подданство Россіи (См. *Записки Императоръ*

скаго Русскаго Географическаго Общества, книжка IV, стр. 96—103); но все это не привело до сихъ поръ ни къ чему для насъ полезному. Въ принятіи подданства кочевые Азіатцы видятъ только средство выманить подарки, и готовые обѣщать за это все, что угодно, не считаютъ себя обязанными исполнить на дѣлѣ хотя что-либо изъ обѣщаннаго. Подобнымъ обѣщаніямъ съ ихъ стороны вѣрятъ и придаютъ этимъ обѣщаніямъ какое-либо значеніе, только тѣ, которые не знаютъ Азіи ни изъ книгъ, ни по собственному опыту.

(11) Въ нынѣшнее время между Туркменами и Киргизами Каспійскаго побережья существуютъ другія отношенія. По разнымъ причинамъ, теперь скорѣе Киргизы боятся Туркменъ, нежели Туркмены Киргизовъ.

(12) Такъ дѣйствительно было во времена Бланкеннагеля, да тѣ-же понятія царятъ и теперь въ киргизскихъ родахъ, отдаленныхъ отъ Оренбургской линіи, каковы Адаевцы, Чумичли-Табынцы, Чиклины. Въ особенности вѣрно замѣчаніе о безсиліи хановъ. Правительство наше поняло наконецъ, что существованіе хановъ въ степи служить только поводомъ къ пронкамъ и волненіямъ, почему въ 1824 году и упразднено было ханское достоинство въ Меньшой Киргизской Ордѣ.

(13) Разграбленіе Киргизами купеческихъ каравановъ, въ предѣлахъ нашей степи, давно уже перешло въ область воспоминанія. Теперь Ордынцы преслѣдуются строго даже за воровство въ караванахъ.

(14) Теперь уже болѣе 20 лѣтъ, какъ не слышно ни объ одномъ случаѣ похищенія Киргизами съ линіи какого либо изъ ея обитателей, а прежніе отгоны скота вооруженною рукою обратились въ мелкое ковокрадство.

(15) Дѣйствительно, пока начальство оренбургское держалось охуждаемой Бланкеннагелемъ системы управленія, до тѣхъ поръ спокойствіе и благосостояніе Зауральской степи ни на шагъ не подвигались, а линія Оренбургская постоянно подвергалась хищническимъ набѣгамъ Киргизовъ.

(16) Этою-то рекомендуемою Бланкеннагелемъ разумною строгостію, въ соединеніи съ правосудіемъ и нѣкоторыми административными мѣрами, каковы: уничтоженіе ханскаго достоинства, учрежденіе мѣстнаго въ степи изъ туземцевъ начальства русскаго выбора, введеніе кибиточной подати, пособіе въ суровыя и продолжительныя зимы хлѣбомъ и деньгами, возведеніе внутри степи укрѣпленій съ русскими гарнизонами и т. д. и доведена Зауральская степь въ теченіе 30 послѣднихъ лѣтъ до той степени покорности, внутренней тишины и относительнаго благосостоянія, на которой нынѣ находится. Замѣчательно, что Бланкеннагель въ теченіе одного мѣсяца пребыванія въ степи появлялся ея лучше, нежели множество администраторовъ, десятки годовъ имѣвшихъ дѣло съ Киргизами.

(17) Въ объясненіе этого не излишне сказать, что на нѣкоторыхъ картахъ Арало-Каспійскаго бассейна, обращавшихся у насъ въ прошломъ столѣтіи, Аральское море представлено соединяющимся съ Каспійскимъ посредствомъ узкаго протока, огибающаго южную оконечность Усть-Урта и вливающагося въ Балханскій заливъ. Такова, напримѣръ, карта Дубровина, составленная по мнѣнію Эйхвальда въ 1632 году и приложенная къ его путешествію по Каспійскому морю. Существовалъ ли когда этотъ протокъ, или причиною появленія его на картахъ былъ слухъ о прежнемъ впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море, мы не будемъ разсуждать здѣсь. Замѣтимъ только, что объ этомъ протокѣ, или рѣкѣ текущей изъ Аральскаго въ Каспійское море упоминаетъ и Данило Рукавкинъ, видѣвшій

ее будто бы въ 1753 году собственными глазами (См. Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1839 годъ, книжка 12, стр. 378), и что соображая настоящее даже положеніе Айбузарскаго залива Аральскаго моря съ одной, и Кайдацкаго залива Каспійскаго моря съ другой стороны Усть-Уртскаго плоскогорья, можно, весьма естественно, притти къ заключенію, что нѣкогда южная оконечность этого плоскогорья омывалась соединенными водами Аральскаго и Каспійскаго морей. Въ степяхъ Средней Азіи всѣ водныя вмѣстѣлища усыхаютъ, можно сказать, на глазахъ нашихъ, съ такою быстротою, что нѣтъ предположенія о водныхъ здѣсь протонахъ прежняго времени, которому нельзя было бы дать вѣроятія.

(18) Вопросъ о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи въ Каспійское море, однимъ или всѣми рукавами, сколько ни писано уже объ этомъ предметѣ, до сихъ поръ, по мнѣнію моему, не только не приведенъ въ ясность, но даже и разобрать не былъ съ надлежащею точностью, не смотря на связанныя съ нимъ имена Гумбольдта, Сеиковскаго, Циммермана и т. д. Надо собственными глазами видѣть мѣстность Арало-Каспійскаго бассейна для того, чтобы убѣдиться, что она не имѣетъ ничего сходящаго съ другими странами міра, и что здѣсь вполнѣ возможно и допустимо многое, что въ отношеніи ко всякому другому краю должно казаться нелѣпностію. — Аминь-Дарью называютъ Бланкеннагель — Аму-Дарью, слѣдую тогдашнему произношенію Русскихъ, которые заимствовали его у Киргизовъ, иногда и теперь называющихъ такъ эту рѣку.

(19) По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Оренбургѣ покойнымъ Генсомъ, ложбину прежняго теченія Аму-Дарьи въ Каспій можно видѣть еще и теперь между напалами Казакъ, Шеватъ, Ермынь и Клычбай. (см. Nachrichten ueber Chiwa, Boshara, Chokand u. s. w. St.-Petersburg. 1839. S. 5). Обыкновенно же старымъ русломъ Аму-Дарьи считаютъ канаву Саркраукъ или Чаркраукъ, выходящую изъ теперешняго Лаудаискаго рукава Аму, и тутъ дѣйствительно доселѣ существуетъ плотина, удерживающая воды Аму отъ дальнѣйшаго теченія по руслу этой канавы, мѣстами занесенной пескомъ; но во время сильнаго половодія вода прорываетъ нѣрѣдко плотину и течетъ въ направленіи къ юго-западу на нѣсколько дней пути, пока не поглотится пескомъ. (См. *Basiner's Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa*. St. Petersburg. 1848. S. 103; и *Данилевскаго* Описаніе Хивинскаго Ханства, въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка V, стр. 43 и 87—88).

(20) Карабогазскій заливъ Каспійскаго моря не былъ осмотрѣнъ и описанъ даже долгое время послѣ Бланкеннагеля. Ходитъ слухъ, что въ немъ есть пучина, поглощающая воду Каспійскаго моря. Въ первый разъ осмотрѣнъ онъ былъ въ 1836 году Карелинымъ и Бларамбергомъ; первая же опись съ промѣрами произведена была здѣсь въ 1847 году лейтенантомъ Жеребцовымъ на пароходѣ «Волга». (См. Записки Гидрографическаго Департамента, томъ V, стр. 168—189, и т. VI, стр. 81—91).

(21) Перечисленные города называются правильнѣе: Конгратъ, Мангытъ, Ходжа-или, Кипчакъ, Гурлянтъ, Джагатай, Шахъ-абатъ, Уйгуръ, Кятъ, Ургенджъ, Ханки, Гезаръ-аспъ и Питиякъ.

(22) Сто тысячъ душъ жителей въ Хивинской землѣ считалъ Бланкеннагель, должно полагать, по русскому обычаю, то есть одного мужескаго пола. Въ такомъ случаѣ предположительное изчисленіе его будетъ подходить весьма близко

и къ счету Муравьева и къ счету Данилевскаго, принимая въ соображеніе время, когда каждый изъ нихъ былъ въ Хивѣ, и то что въ изчисленіе Бланкеннагеля не введены ни невольники изъ Персіанъ и Русскихъ, ни кочующіе въ предѣлахъ ханства Киргизы. Въ 1842 году, народонаселеніе ханства опредѣлялось слѣдующимъ образомъ :

	по Данилевскому :	по Базинеру :
Сартовъ	20,000	отъ 20,000 до 26,000 семействъ.
Узбековъ	18,000	— 18,000 — 23,000 —
Персіанъ свободныхъ	5,000	— 5,000 — 7,000 —
— рабовъ	10,000	— 10,000 — 13,000 —
Ямшпдовъ	7,000	7,000 7,000 —
Каракалпаковъ	8,000	— 8,000 — 10,000 —
Туркменовъ	5,000	— 5,000 — 7,000 —
Киргизовъ	500	— 500 — 600 —
Итого	73,500	отъ 73,500 до 93,600 семействъ.

(23) См. объ этомъ ниже, прим. 27.

(24) Наилучшимъ комментариемъ къ этимъ словамъ Бланкеннагеля могутъ служить событія въ Хивѣ 1833 и 1836 годовъ. Въ теченіе этого времени смѣнилось тамъ семь хановъ, одинъ другаго истреблявшихъ, а именно : Мохаммедъ-Эмиръ, убитый Персіанцами подъ Серахсомъ; племянникъ его Тангри-Куль, убитый Абдуллахъ-бекомъ; двоюродный братъ Абдуллахъ-бекъ, убитый Туркменами; братъ Абдуллаха Кутлу-Мурадъ и Дзаринъ-ханъ изъ Каракалпаковъ, убитые властвующимъ принцемъ Сейидъ-Мухаммедомъ; наконецъ Ата-Мурадъ, провозглашенный Туркменами въ одно время съ Кутлу-Мурадомъ и продолжающій еще оспаривать престолъ у Сейидъ-Мухаммеда.

(25) Юмуды эти, или правильнѣе Юмуды, были и продолжаютъ оставаться главною причиною послѣднихъ смутеній въ Хивинскомъ ханствѣ. Изъ ненависти къ Узбекамъ за прежнія притѣсненія, они, вспомошествоваемые другими туркменскими родами, страшно разорили набѣгами своими оазаду часть хивинскаго оазиса. Лучшія свѣдѣнія о Туркменахъ собраны были до сихъ поръ барономъ К. Боде, и изданы имъ на англійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ : «Очерки Туркменской земли и восточнаго побережья Каспійскаго моря». Полный переводъ этого сочиненія на русскій языкъ помѣщенъ въ июльской — сентябрьской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1856 годъ; независимо отъ сего, подробныя извѣстія относительно двухъ только поколѣній, Юмудовъ и Гоклановъ, напечатаны самимъ Боде во второй книжкѣ «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, стр. 203—233.

(26) Въ слѣдствіе политическихъ волненій въ Хивинскомъ ханствѣ и потомъ безкормицы весною 1837 года, значительное число Каракалпаковъ выселилось отсюда въ бухарскіе предѣлы и до 700 семействъ прикочевало къ намъ на Сырь-Дарью.

(27) Порядокъ вещей въ Хивѣ, описываемый Бланкеннагелемъ, какъ ни странный онъ кажется, есть явленіе повторявшееся неоднократно въ Средней Азии, въ свѣдѣніе господствующихъ тамъ понятій о ханскомъ достоинствѣ. Но какъ въ Европѣ подобныя отношенія существовали только между *rois fainéans* династии Мероинговъ и ихъ *maîtres du palais*, о чемъ не вспоминали писавшіе о хивинскихъ дѣлахъ, незнакомые въ то же время и съ исторіею Азии, то означен-

ный порядокъ не только не былъ выясненъ доселѣ надлежащимъ образомъ, но и подалъ поводъ ко многимъ ошибкамъ въ изложеніи исторіи престолонаслѣдія въ Хивѣ. Дѣло въ томъ, что въ Средней Азіи питается глубокое уваженіе къ наслѣдственности верховной власти въ тѣхъ династіяхъ, которыя однажды достигли ее. Человѣкъ «черной кости» долженъ обладать огромною рѣшимостью, чтобы присвоить себѣ титулъ верховнаго повелителя страны своей или народа; а какъ дѣйствительная власть всегда и вездѣ приобретаетъ, помимо происхожденія, личными качествами, то антагонизмъ между правами на власть, наслѣдственными и личными, вошло тамъ, можно сказать, въ обычай приписывать тѣмъ, что лицамъ династій, имѣющей наслѣдственное право на верховную власть, представляется только титулъ и другія наружныя принадлежности верховнаго правителя, дѣйствительное же управленіе переходитъ въ руки того, кто сумѣетъ захватить его. При этомъ, захватившій власть передаетъ ее перѣдко сыну, брату, племяннику своему, отъ которыхъ идетъ она въ третье поколѣніе, и т. д., въ слѣдствіе чего являются въ странѣ одновременно двѣ династіи: одна титулованная и безвластная, другая безъ титула, но фактически властвующая. Существованіе этого явленія замѣчается съ глубокой древности. Таково происхожденіе и отношеніе духовнаго и свѣтскаго императоровъ (*дайри* и *кубо*) въ Японіи, начавшіяся съ XII столѣтія и продолжающіяся донынѣ, въ теченіе 700 лѣтъ непрерывно. Таковы отношенія между Хаканомъ и его намѣстникомъ у Хазаръ волжскихъ, описанныя арабскими путешественниками X-го и существовавшія по крайней мѣрѣ съ VII столѣтія. Не приводя другихъ примѣровъ скажемъ, что и въ Хивѣ отношенія между ханомъ и тѣми, «которые дѣлами правятъ», замѣченныя Бланкеннагелемъ въ концѣ XVIII вѣка, существовали тамъ уже издавна. Завоевавъ Хареزمъ, кочевые Узбеки раздѣлили города ея между своими родами и правителямъ каждаго города сдѣлалось старшее лицо почетнѣйшей семьи въ каждомъ родѣ, а первенствующимъ въ этомъ аристократическомъ правленіи — старшее лицо почетнѣйшей семьи въ сильнѣйшемъ передъ другими Ковратскомъ родѣ, присвоившее себѣ управленіе главнымъ городомъ страны, Хивою. Всѣ инаки — титулъ старѣйшинъ-родоначальниковъ — управляли страной съобща, подъ предводительствомъ ковратскаго инака Хивы, престолъ же ханскій представленъ былъ при этомъ, безо всякой власти, кому либо изъ многочисленныхъ потомковъ Чингисъ-хана, которыхъ Узбеки добывали себѣ отъ Каракалпаксъ и Киргизъ-Кайсаковъ, или изъ Бухаріи. Такимъ образомъ, инакомъ Хивы, или первымъ лицомъ въ землѣ Хивинской, былъ при Бланкеннагелѣ Авязъ-бекъ, который достоинство инака приваялъ отъ дяди своего Фазиль-бека, тогда какъ Фазиль наслѣдовалъ его послѣ старшаго брата своего Мухаммедъ-Эминъ-бека, а этотъ приваялъ его отъ отца Ишъ-Мухаммедъ-бека (*Ешметъ* Бланкеннагеля), и такъ далѣе вверхъ. Ханами же хивинскими были или считались между тѣмъ современникъ Бланкеннагелевъ Абуль-гази сынъ Каиповъ, отецъ его Каипъ сынъ Батырь-Султана, Нурали Султанъ сынъ киргизскаго хана Абуль-Хаира, самъ этотъ Абуль-Хаиръ, а передъ нимъ Ильбарсъ или Юлбарсъ, казенный Надиръ-шахомъ; Ширгази, коварно погубившій нашего Бековича (въ 1717 г.); Эзреагъ и Ядыгаръ, эфемерные предшественники Ширгази; Халжи-Мухаммедъ, посольство коего къ Петру Великому было поводомъ экспедиціи Бековича; Арабъ-Мухаммедъ, при коемъ Хива считалась уже въ подданствѣ Россіи; Шахнвизъ, пер-

вый из хивинских хановъ, принявшій это подданство въ 1700 году; и т. д. вверхъ.

Но вскорѣ послѣ посѣщенія Хивы Бланкеннагелемъ, описанное имъ устройство правленія въ ней измѣнилось. Сынъ Авазъ-инака, Ильтезеръ, покончилъ существованіе почетныхъ хановъ и не только присвоилъ себѣ ханскій титулъ, но положилъ начало истребленію инакскаго феодализма, которое потомъ братомъ его Мухаммедъ-Рахимомъ было докончено съ утвержденіемъ въ Хивѣ деспотическаго единовластія, каковое по смерти послѣдняго перешло къ сыну его Аллахъ-Кули, а отъ сего къ сыновьямъ его Рахимъ-Кули и Мухаммедъ-Эмину. Съ гибелью послѣдняго въ 1833 году въ стычкѣ съ Туркменами и Персіянами подъ Серахсомъ, начались въ ханствѣ междоусобія, о которыхъ упомянуто выше, не прекратившіяся еще совершенно и съ восшествіемъ на престолъ властвующаго нынѣ Сеидъ-Мухаммедъ-хана.

(28) Каково было житіе этихъ жалкихъ Чингизидовъ, можно заключать изъ слѣдующаго разсказа одного русскаго плѣнника, долго жившаго въ Хивѣ при ханскомъ дворѣ, о домашнемъ бытѣ такихъ полновластныхъ уже хановъ, какими были Мухаммедъ-Рахимъ и Аллахъ-Кули. «Скотину и лошадей кормятъ въ Хивѣ плохо, по бѣдности въ кормахъ; даже и ханскіе аргамаки стоятъ по суткамъ безъ корму. И чего аргамаки, коли и женамъ своимъ ханъ отпускаетъ хлѣбъ на вѣсь.... многія изъ ханскихъ женъ посылаютъ остатки отъ плова своего на базаръ, и покупаютъ на вырученную копѣйку шелкъ и другія мелочи.... Чай пьютъ въ цѣломъ дворѣ одинъ только ханъ, да и то калмычій, кирпичный, и изрѣдка только другой; раза два въ недѣлю пьютъ онъ чай съ сахаромъ. Ханскимъ женамъ и дѣтямъ чаю не даютъ никогда. И т. д. (См. Разсказъ *Федора Грушина*, въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ Русскому Иивалиду, за 1838 годъ).

(29) Всѣ Русскіе, находившіеся у Хивинцевъ въ неволѣ къ 1840 году, были тогда, какъ извѣстно, по требованію нашего правительства посланы ханомъ Аллахъ-Кули въ Россію. Съ тѣхъ поръ нѣтъ болѣе въ Хивинскихъ владѣніяхъ невольниковъ изъ Русскихъ, какъ потому, что Хивинцы боятся покупать ихъ, такъ и потому что прекратились захваты русскихъ людей Киргизами и съ Каспійскаго моря и съ Оренбургской линіи; а если и есть самое незначительное число; то либо изъ бѣглыхъ, либо изъ перепроданныхъ Бухарцами.

(30) Въ настоящее время солдатъ и казаковъ изъ Магометанъ воспрещено посылать въ гарнизоны Сыръ-Дарьинской линіи.

(31) Протоками называетъ Бланкеннагель каналы и канавы, отведенные изъ Аму-Дарьи для орошенія водою ея пашенъ и садовъ. Любопытныя подробности объ этомъ предметѣ можно найти у Гейса, Данилевскаго и Базинера, въ цитированныхъ выше сочиненіяхъ.

(32) *Жугаръ*, правильнѣе *джугара*, есть *Holcus Sorghum*, то самое сахарное сорго, о которомъ толковали у насъ такъ много въ послѣднее время. Оно растетъ и на Сыръ-Дарьѣ, въ нашихъ предѣлахъ, почему могло бы быть разводимо тамъ съ выгодною въ большихъ размѣрахъ.

(33) Ольхою называетъ Бланкеннагель вѣроятно *турангу*, *populus diversifolia*; но кромѣ туранги растетъ въ ханствѣ и тополь пирамидальный и два рода вяза, называемые *нарванъ* и *караманъ*, не говоря уже о саксаульникѣ, мѣстами со-

ставляющемъ цѣлые лѣса. Гребенщикъ (*Tamarix gallica*), хотя и кустарникъ, достигаетъ также нерѣдко размѣровъ дерева.

(34) Очень живо и вѣрно очерчены современные намъ Хивинцы въ «Замѣткахъ проѣзжаго» (Спб. 1854), *П. И. Небольсина*, который рисовалъ свои портреты съ хивинскаго посольства, проѣзжавшаго къ намъ въ 1849 году. См. главу IX, стр. 200—239.

(35) Малая Бухарія прежнихъ географовъ, которую принято нынѣ называть китайскимъ Туркестаномъ, завоевана Китайцами въ 1760 годахъ; почему надлежало сказать, что страна эта находится подъ владычествомъ, а не подъ покровительствомъ Китайцевъ. И притомъ Узбековъ никто не выгонялъ оттуда, а изгнаны были властвовавшіе тамъ передъ Китайцами Джунгары, или западные Монголы, по нашему Калмыки.

(36) Читая описываемое Бланкеннагелемъ положеніе торговли нашей съ Бухарою и Хивію въ концѣ прошлаго вѣка, думаешь, что онъ говоритъ не о томъ, чему прошло 70 лѣтъ, а о настоящемъ времени: невыгодное для насъ положеніе этой торговли нисколько не измѣнилось съ тѣхъ поръ, если еще не ухудшилось. См. «Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіею *П. И. Небольсина*. Спб. 1853. Введеніе; и мой разборъ этого сочиненія въ 25 присужденіи Демидовскихъ наградъ, стр. 176—181.

(37) Это мнѣніе Бланкеннагеля, въ особенности о невозможности дипломатическихъ переговоровъ и договоровъ всякаго рода съ такими невѣжественными и вѣроломными дикарями, каковы Бухарцы и Хивинцы, раздѣляютъ многіе знакомые близко съ Среднею Азіею.

(38) Въ этомъ отношеніи Бланкеннагель, кажется, ошибся и сильно ошибся, потому что повѣрилъ не своимъ глазамъ, а чужимъ рассказамъ. Въ горахъ Шейхъ-Джейли, окаймляющихъ правый берегъ Аму-Дарьи, отъ канала Ильтезержана почти до параллели города Холжа-или, можетъ быть дѣйствительно добываютъ или добывали по лошинамъ розсыпное золото, но вовсе не въ такомъ количествѣ, чтобы мѣстности эту можно было почесть, какъ сдѣлалъ нашъ путешественникъ, за новое Перу.

(39) Мы принадлежимъ къ тѣмъ, которые думаютъ, что нѣтъ никакихъ естественныхъ невозможностей, къ обращенію части водъ Аму-Дарьи, по прежнему руслу ея, въ Каспійское море; или что прежде, чѣмъ отвергать рѣшительно эту возможность, должно произвести тщательную рекогносцировку и нивелировку степнаго пространства между Аму-Дарьею и Каспійскимъ моремъ. Петръ Великій нашелъ возможнымъ осуществить подобное предпріятіе въ началѣ XVIII вѣка, когда средства Россіи вдесятеро уступали нынѣшнимъ; и не будь Бековичъ такимъ простакомъ, какимъ показалъ себя вначалѣ, и такимъ трусомъ, какимъ явился, попавшись въ западню къ Хивинцамъ, вопросъ былъ бы давно уже рѣшенъ. Въ отрядѣ Бековича имѣлось до 3,000 человекъ регулярнаго и нерегулярнаго войска съ артиллеріею. Отряда такой силы, подъ командою опытнаго и рѣшительнаго начальника, было бы и теперь достаточно для прикрытія работъ по рекогносцировкѣ и нивелировкѣ означеннаго пространства. Отъ Балханскаго залива до Хивы будетъ по прямой линіи не болѣе 500 верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при снаряженіи экспедиціи съ помянутою цѣлью, нашлись бы частныя лица, которыя приняли на себя значительную долю издержекъ, потребныхъ на предпріятіе.

(40) Бедехтанъ конечно не далекъ отъ Индіи, но Бланкеннагелю не было извѣстно, что его отдѣляютъ отъ нея нѣсколько высочайшихъ горныхъ хребтовъ, черезъ которые нѣтъ почти никакихъ дорогъ. При открытіи Аму-Дарьи для нашего судоходства, торговля съ Индіею должна была бы идти черезъ Балхъ и Кабуль.

(41) Эта цѣль уже достигнута хотя другимъ, менѣе выгоднымъ и менѣе рациональнымъ, путемъ.

(42) Это еще не испробовано, но Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства въ такомъ уже положеніи, что ничто не мѣшаетъ приступить къ осуществленію мысли Бланкеннагеля, которая, быть можетъ, и имѣется въ виду тѣхъ, до кого это касается.

(43) Есть и другія, простыя и на знаніи мѣстности основывающіяся, средства держатъ въ покорности народонаселеніе хивинскаго оазиса.

(44) Русскихъ невольниковъ, какъ уже сказано, нѣтъ болѣе въ Хивѣ; изъ Персіи нѣ найдется около половины, которые пожелаютъ, быть можетъ, возвратиться на родину: удерживать ихъ было бы безчеловѣчно. Вообще же на преданность Магометанъ христіанскому правительству, кто бы ни были они — сунни или шииты — полагаться неважело. Одни только норманскіе герцоги Сициліи умѣли привязать къ себѣ мусульманское населеніе этого острова, такъ что оно предано было имъ тѣломъ и душою; но мы не знаемъ, къ сожалѣнію, какими средствами они этого достигли. Да притомъ должно сказать, что сицилійскіе Мусульмане были, большею частію, Арабы по происхожденію, арабское же племя, несмотря на то, что исламизмъ обязанъ ему своимъ распространеніемъ, отличается наименьшимъ фанатизмомъ между всѣми племенами, исповѣдующими ученіе «последняго пророка».

(45) Это соображеніе имѣетъ значеніе и въ настоящее время: Хива, прямо или косвенно, принимала участіе во всѣхъ смутахъ, волновавшихъ доселѣ степь, занимаемую Меньшою Кайсацкою ордою.

(46) Этого можно достигнуть и безъ овладѣнія Хивою.

(47) Это будетъ зависѣть отъ множества обстоятельствъ, о которыхъ мы не станемъ распространяться.

(48) Это обстоятельство не можетъ уже входить въ соображенія настоящаго времени.

(49) О несостоятельности надеждъ этого рода упомянуто уже въ примѣчаніи 38.

(50) Построеніе на Мангышлакѣ пристани и укрѣпленія не оправдало, къ сожалѣнію, надеждъ Бланкеннагеля.

(51) Предложенныя «Замѣчанія» Бланкеннагеля, плодъ побѣдки его въ Хиву, были уже напечатаны, около сорока лѣтъ тому, въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, кажется «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія». По рѣдкости теперь этого журнала, я счелъ не лишнимъ издать вновь дѣльный трудъ нашего путешественника, не смотря на 70 лѣтнее его существованіе, имѣющій еще современный интересъ, не говоря уже объ историческомъ; такихъ наблюдательныхъ и пропіиательныхъ странствователей, какъ Бланкеннагель, немного у насъ; съ своей стороны, я счелъ долгомъ почтить трудъ его посильнымъ комментариемъ на пользу читателей мало знакомыхъ съ Среднею Азіею.